

УДК 81'42

КОНЦЕПТ ОГОНЬ В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА

Сыромля Н.Н.

Крымский Гуманитарный университет, г. Ялта, Украина

*В статье анализируется концепт огонь в поэзии русских символистов
Определяются особенности изучения концепта в символистском поэтическом
дискурсе.*

Ключевые слова: огонь, русский символизм, концепт, В. Брюсов

Существует целый ряд определений концепта, классифицированных Л.П. Ивановой в книге «Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий» следующим образом: концепт – это «1) свернутые знания человека о мире; 2) набор смыслов, которыми оперирует человек в процессе ментальной деятельности; 3) концепт – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и этнокультурную специфику; 4) концепты – ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире; 5) концепт несет в себе эмоциональную информацию и представляется словом или (в редких случаях) фразеологической единицей» [4, с. 4].

В.А. Маслова приводит разнообразные методики анализа концепта и дает свое определение: концепт – это «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры», результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д.С. Лихачеву), окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом [7, с. 36].

Фреймовый подход к анализу концептов представлен в работах У.А. Карленко (2006).

Мы придерживаемся точки зрения А.П. Бабушкина, представителя структурно-семантического изучения концепта, который рассматривает семантическую структуру слова в виде двупланового образования: материального (лексемы) и идеального (семемы). Семема, в свою очередь, содержит элементарные единицы смысла – семы, т.е. имеет свою структуру. Через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке и выявляем, объективируем концепты.

Данный подход позволяет считать экспликацией концепта *огонь* одноименную лексему и ее дериваты в прямых и переносных значениях.

Постановка проблемы. Проанализируем семантическое наполнение концепта *огонь* в поэзии В. Брюсова периода расцвета символизма, с целью выявления авторских интерпретаций на фоне традиционной символики стихии огня.

В нашем исследовании концепт – это полевая структура, имеющая ядро и периферию. Ядро составляют прямые словарные значения слова и его дериватов.

Периферия опирается на экстралингвистические знания и имеет более сложную структуру: ассоциативный слой и образный, реализующиеся в авторском контексте.

Вслед за авторами словаря «Поэтическое слово Пушкина» Меньшиковым И.И., Мордань В.И. и Подмогильной Н.В. (1999), мы относим к ассоциативному полю концепта атрибутивные конструкции с определяющим словом «огонь».

Посредством ассоциативного уровня формируется образный. В нашей работе под образом понимается изменение семантики слова в результате тропеического взаимодействия с соседними словами.

В рамках образного слоя концепта мы рассматриваем переносные значения лексемы-наименования стихии и ее дериватов, грамматические модели номинативной сочетаемости, глагольные парадигмы образов, синтаксические конструкции.

Начнем анализ концепта с его этимологической составляющей. По М.М. Маковскому, традиционно значение «огонь» соотносится со значениями «змея», «середина, центр», «летать», «подниматься вверх», «вода», «богатство», «поклоняться божеству», «тайнство» [6, с. 240-243].

Ю.С. Степанов отталкивается в своих исследованиях от «двух огней», образованных от разных корней и находящихся в сложном противопоставлении. Данные факты, по мнению ученого, соотносятся с оппозициями активного – неактивного, божественного – человеческого, священного – обыденного, поэтического – обыденного, что обусловлено «активным строем» праиндоевропейского языка и наличием классов активных и неактивных имен [9, с. 281].

Проанализируем семантическое наполнение концепта *огонь* в поэтической речи В. Брюсова. В данной статье рассмотрим ассоциативный и образный слои концепта.

Ассоциаты-адъективы, прогнозирующие семантику образного уровня концепта *огонь* в лирике В. Брюсова, распределяются по группам: **цвет** *багровый, белый, зеленый, красный, оранжевый, синий*; **анимо-анимичность** – *бессильный, грозный, живой, мятежный, наглый, неумирающий*; **артефактуальность** *алтарный, искусственный, отельный, похоронный, ресторанный, стальной*; **временные характеристики** *вечерний, запоздалый, шольский, медленный, мелькнувший, осенний, первый, последний*; **свет** – *тусклый*; **мифотип славянской мифологии** – *блудящий*; **амбивалентность** – *жгучий, ледяной*; **происхождение** – *небесный, молнийный*; **сакральность** – *святой, священный*; **изменчивость** – *многообразный, битва – яростный*; **рефлексия** – *пламенный*.

Образный уровень эксплицирован следующими переносными значениями лексемы «огонь» и ее дериватов.

Рассмотрим переносные значения лексемы «огонь», зафиксированные толковыми словарями: «только ед. Внутреннее горение, страсть, пыл» [2, с. 698]: «В певучих волнах тело тонет, Твои касанья из огня» [СС7-1, с. 384]. Переносное значение «пылкий, страстный» [2, с. 697] эксплицировано производными лексемами в строках: «Любовь – огневая стихия» [СС7-1, с. 317].

Следует отметить, что «нежно-огненный» является неологизмом: прилагательное «нежно-огненный» передает оттенки чувства благодаря соединению сем «ласковый, исполненный любви» [8, с. 403] и «страстный» [2, с. 697]. Мягкость и «ласковость» как особенность описываемых переживаний подчеркнута употреблением наречий «несмело» и «тихо», окружающих неологизм в предшествующей и последующей строках, природа эротических переживаний соотносится с архетипическим образом

«огненной реки»: «Склонив на шею мне несмело Две нежно-огненных руки, Ты тихо погрузил всё тело В истому пламенной реки» [СС7-2, с. 19].

Метафорическое описание любви как «кубка с влагой черной ... огневой» строится на активизации переносных значений «пылкий, горячий, живой» и «жгучий, пламенный, сверкающий», первая группа сем соотносится с «внутренним горением», вторая – с «влагой»: «Вновь тот же кубок с влагой черной, Вновь кубок с влагой огневой! Любовь, противник необорный, Я узнаю твой кубок черный И меч, взнесенный надо мной» [СС7-1, с. 399].

Лингвистической особенностью вышеприведенных микротекстов является употребление формы множественного числа для экспликации метафорических значений лексемы «огонь», зафиксированной толковыми словарями только для второго номинативного значения «свет от осветительных приборов» [2, с. 698]: **глаза** – «Сквозь слезы заискрился радужный свет, И эти огни заменили признанья» [СС7-3, с. 234]; **вдохновение** – «горят огни всех вдохновенных сил» [СС7-1, с. 329]; **ментальный мир человека** – «В тихих глубинах сознания Светят святые огни» [СС7-1, с. 470]; **страсть** – «Огни страстей лишь вспыхнут, как умрут» [СС7-1, с. 49]; **духовный опыт** – «Той веры теплились огни» (СС7-1, с. 369); **время** – «Столетия – фонарики! О, сколько вас во тьме, На прочной нити времени, протянутой в уме! Огни многообразные, вы тешите мой взгляд...» [СС7-1, с. 435].

Наиболее продуктивными оказались следующие номинативные грамматические модели: $N_{N1}N_{N2}$ – всего 16 экспликаций для обозначения **вина, веры, вдохновения, любви, страсти, тела, Земли, света, неба, искушения, связи со стихией воздуха, глаз: огни страстей, огни сил, огни звезды, огни луны, радуга огней, дни огня (и крови), огонь травы, взвивность огня, кольца огня, силы огня, огни вселенной, огонь вина, (твоя) касанья из огня, вихрь огня, огонь глаз**; инверсия модели: *веры огни*; $N_{N1}N_{N5}$ – 6 актуализаций модели для образных значений **головы, чувства, источника света, «небесного огня», солнца: огонек венцами, небо с огнями, закат огнем, факелы с огнем, грудь огнем. Солнце огнями**; $N_{N1}N_{N6}$ – 5 микротекстов с данной моделью создают образ **стихии, устремленной вверх и взаимодействующей с водой, мечты, мифомира невидимых существей, «небесного огня»: вершины в огне, призрак в огне**; инверсия модели: *в огнях волна, в огне Мечта, в огне облака*; $N_{N5}N_{N2}$ – нами выявлено 4 варианта использования конструкции для соотнесения «Огня» со **временем, любовью, ментальным миром человека, светом: огнем столетий, огнем небес, огнем воспоминаний, огнем любви (и муки)**; $N_{N7}N_{N2}$ – всего 1 актуализация модели для интерпретации символа «Огонь» как **мифомира невидимых существей: духов огня; 2N_{N2} – и воды и огня, огня и крови**; $N_{N6}N_{N2}$ – наблюдается 4 лингвистических ситуации с использованием данной конструкции для толкования «Огня» как **любви, мечты, света: на огне любви, в огне мечты, в огне лучей (дневных), в огнях луны**.

Глагольные сочетания эксплицируют значения: 1) позиция агенса: **свет** – гореть, светить, сверкнуть, мерцать, засветиться; **анимо-анимитичность** – манить, вести, бросать свой призыв, потянуться в ряд; **сакральность** (значение «гнуть», по М.М. Маковскому) – рваться, пугаться, виться; **зооморфность** – змеиться; 2) позиция пациенса: **источник света и тепла** – внести огонь; **объект любви** – любить огни; **раскаленные газы**: гореть огнем, **пространство, где происходят действия**: пылать в огне, гаснуть в огне; **встать в огне**; **взаимодействие стихий** – огнем дышать, зажигать

волну, в огне гореть; **орудие мести** – мстить огнем; **напиток** – от огня пьянеть; **любовь** – огню отдаться, огнем понежить грудь.

Наблюдается незначительное преобладание экспликаций позиции пациента (13:14), что характеризует стихию огня в лирике В. Брюсова как амбивалентную сущность.

В метафорических описаниях огонь символизирует: **игру** в стихотворении «В игорном доме»: «Нет, не найти им в буйстве чувственном, В вине и страсти, где врата. И только здесь, в огне искусственном, Жива бессмертная Мечта» [СС7-2, с. 58]; **человека**: «В черной буре наших дней Быть нам вспысками огней» [СС7-1, с. 534]; **закат**: «Горел закат оранжевым огнем» [СС7-1, с. 52]; **визионерские переживания**: «И во всем, что кругом, и в лучах, и во тьме, и в огне, Только сон, только сны, без конца открываются мне» [СС7-1, с. 86, с. 470]; **любовь**: «Дрожащие руки сплелись без сознания, Сквозь слезы заискрился радужный свет, И эти огни заменили признанья» [СС7-3, с. 234]; **время**: «И здесь твои мечты горят огнем столетий» [СС7-1, с. 148]; **страсть**: «Тесно сжимаются Руки, объятая, кольца огня» [СС7-1, с. 493]; **страдания**: «На медленном огне горишь ты и сгораешь, Душа моя» [СС7-1, с. 488]; **воспоминания**: «Словно речь бессвязная Память лучших дней ... А была алмазная Радуга огней» [СС7-1, с. 343]; **битву, противостояние, несущие смерть и разрушение**: «Срывают бешенство проклятий Среди железа и огня Давно испытанные рати» [СС7-1, с. 336]; **очищение**: «Что свершила ты, давно Прощено, -- освящено На огне моей любви» [СС7-1, с. 495]; **тепло и свет**: «Над тротуаром вечерних туч, По их краям огнем ударив, Возносится последний луч» [СС7-1, с. 374]; **цвет времени года**: «Роскошен лес в огне осеннем, Когда закатом пьян багрец» [СС7-1, с. 183]; **искушающую силу**: «Все жарче зной. Упав на камне, Я отдаюсь огню лучей» [СС7-1, с. 299]; **смерть**: «Хочу упиться смертью знойной, Изведать сладости огня» [СС7-1, с. 181]; **переживания, духовный опыт**: «На острове Мечты, где статуи, где песни, Я исследил пути в огнях и без огней, То поклонялся тем, что ярче, что телесней, То трепетал в предчувствии теней» [СС7-1, с. 142]; **силу духа**: «Своей слабеющей свечильней Ожесточенный пламень тронь: Пусть вспыхнет ярче и обильней В руках трепещущих огонь» [СС7-2, с. 84], **локус творческой лаборатории поэта**: «Твои стихи - как луч... Покорны властному сиянью, Горят и зыблются они, И вдаль уходят легкой тканью, Сплетая краски и огни» [СС7-3, с. 245].

Сравнительные конструкции соотносят огонь с **тенью**: «Огни твоей земной вселенной – Как тень в лучах иных миров» [СС7-1, с. 555]; **женщиной**: «Взор склонив, скользит она, – Словно искрится в бокале Ледяной огонь вина» [СС7-1, с. 543]; **магнитом**: «И сладостно, как власть магнита, Влиянье жгучего огня» [СС7-1, с. 186], **поэтом**: «Как силы светлого и грозного огня. Как пламя, бьющее в холодный небосвод, И жизнь и гибель я» [«Сонет о поэте»: СС7-3, с. 254]; **символистским «переживанием»** (о принципе «переживания» у символистов см.: А. Ханзен-Леве, 2003): «Бродя по мыслям и влачась по дням, С тобой сходились мы к одним огням, Как братья на пути к запретным странам» [СС7-1, с. 197].

Параллельные конструкции дают возможность интерпретировать огонь как воплощение 1) **силы**: «И лишь уголья тлели дневного пожара, В отдалении, за нами – без сил, без огня» [СС7-1, с. 511], 2) **света**: «меж молнийных огней, Меж ужаса и блеска» [СС7-2, с. 41].

Сопоставим данные, полученные в результате анализа концепта *огонь* в лирике В. Брюсова, с символикой огня, зафиксированной словарями и энциклопедиями символов.

КОНЦЕПТ ОГОНЬ В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА

К традиционной символике стихии огня относятся значения: живая, подвижная стихия, символ божественной энергии, мифомира божественных существ, субститут Бога на Земле, характеризуется свойствами амбивалентности -- символ созидания и разрушения, жизни и смерти, символ плодородия, символ страсти, сильных чувств и желаний, символ преобразования, возрождения, взаимодействия стихий, символ очищения и исцеления, света, мужского начала, символ творчества, вдохновения.

К авторским интерпретациям относим соотношения концепта *огонь* с силой, магнитом, женским началом, символистскими визионерскими переживаниями, тенью, силой духа, искушением, битвой, воспоминаниями, временем, человеком, напитком, пространством действий, зооморфностью, ментальным миром человека, разноцветностью.

Вывод. Согласно результатам проведенного лингвистического анализа концепта *огонь* в поэзии В. Брюсова реализуется практически вся традиционная символика стихии «Огонь» и эксплицируются авторские интерпретации.

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. Под общ. ред. П.Г. Ангокольского и др. – М.: Худож. лит., 1973.
4. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2004. – 110 с.
5. Карпенко У.А. Концептное содержание фрейма «Вооруженное противостояние» в русской культурно-языковой традиции: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – К., 2006. – 233 с.
6. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
8. Ожгов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Швелевой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Поступила в редакцию 29.01.2007 г.